

Хромов Максим Дмитриевич

магистр, аспирант

Ткаченко Андрей Анатольевич

магистр, аспирант

Мамеко Дмитрий Игоревич

магистр, аспирант

Фролов Сергей Вячеславович

магистр, аспирант

Научный руководитель

Ермаков Дмитрий Николаевич

почётный работник высшего профессионального образования РФ,

почётный работник науки и техники РФ, д-р экон. наук,

д-р полит. наук, канд. ист. наук, академик

Российская академия естественных наук (РАЕН),

профессор Российской академия естественных наук (РАЕН),

профессор, профессор

Центр мировой политики и стратегического анализа

ФГБУН «Институт Китая и современной Азии РАН»

г. Москва

DOI 10.31483/r-112197

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Аннотация:** авторы интерпретируют российско-китайские отношения с точек зрения кризиса однополярного мира и результата провала старой концепции внешней политики России, которую условно можно назвать «атлантизмом». Статья призвана внести вклад в изучение недавней истории российско-китайских отношений, с точки зрения методологии, в этой связи авторы уделяют много внимания хронологии развития отношений между Россией и КНР.*

В то же время имеется задача показать не востоковедам процесс поворота России к укреплению отношений с Китаем. Авторы разделяют прошлую внешнюю политику России на «Атлантизм» и «Евразийство», рассматривая российско-китайские отношения в контексте последнего, демонстрируя при этом, что Центральная Азия и Казахстан входят ныне в систему совместных интересов России и Китая, поэтому геополитические горизонты России смещаются к Тихому океану, то есть далеко за пределы бывшего СССР. Одна из целей данной работы – помочь преподавателю сформировать представления о тенденциях развития современных российско-китайских отношений в рамках отслеживания хронологии изменений этих отношений в контексте анализа кризиса однополярного мира.

Ключевые слова: глобализация, евразийство, внешняя политика России, международные санкции, экономика Китая, экспорт нефти, Дальний Восток, современная геоэкономика.

Введение.

Россия ищет свое новое место в мире после неудач ряда экономических и политических реформ на рубеже XX и XXI вв., в связи с чем произошел новый поворот российской внешней политики в восточном направлении. Но этот поворот не является случайностью, он выступил повторяющимся в российском историческом процессе явлением. Российско-китайские отношения приобрели новый характер и смысл, став важной частью поворота России на Восток в контексте изменения концепции российской внешней политики [4, с. 5]. С другой стороны, сегодня речь идет о притягивании России и других постсоветских государств в орбиту китайской экономики [9; 26].

Цель настоящей статьи – показать процесс поворота внешней политики России на Восток, то есть, усиления ее восточного вектора, и природу этого процесса в контексте развития российско-китайских отношений в ракурсе российской и китайской политологической историографии.

Россия и ментальность ее населения исторически являются симбиозом элементов других культур. Мы выделяем северное, евразийское и восточное начала в российском историческом процессе. Россия традиционно проводит гибридную внешнюю политику в силу своего евразийского положения между Европой и Азией, осложнения отношений с Западом ведут Россию к сближению с Востоком и наоборот.

Победа идеократии (вера в эффективность западных институтов, включая свободную конкуренцию и нерегулируемые цены) спровоцировала развитие кризиса в России в конце прошлого века. Провал применения в России идей Вашингтонского консенсуса стал очевиден около 1996 г.

В российских политике и общественной мысли в 1990-е гг. имели место две популярные системы взглядов на место России в мире, которые мы назвали «Евразийство» и «Атлантизм», эти две системы взглядов существуют в России до сих пор. «Евразийство» связано с идеями особо пути Русской цивилизации, которую евразийцы противопоставляют Западу. «Атлантисты» придерживаются в основном либеральных взглядов, считая, что России надо продолжить модернизацию по тому пути, по которому она пошла в 1990-е гг., что также включает тесную кооперацию России с Западом и отвергает развитие отношений России с Китаем, Ираном и другими восточными государствами, кроме азиатских демократий. Поскольку спор между «евразийцами» и «атлантистами» имеет важное значение для развития российской внешней политики, мы уделяем особое внимание этому вопросу.

Выбор хронологических рамок 1989–2018 гг. обусловлен тем, что начавшиеся после 2018 г. процессы в глобальной внешней политике в связи с усилением поляризации и противоречий между США и Китаем, а также США и Россией на фоне структурных сдвигов в мировой экономике под воздействием вызванного эпидемией коронавируса кризиса еще не получили своих полных оценок в научной литературе и не носят заверченный характер. В 1989–1991 гг. происходит крушение социалистической системы государств в Восточной Европе, в связи с чем наступает новая эпоха в истории человечества.

Колебания между «Атлантизмом» и «Евразийством» и Китай

Победа «атлантистов» во главе с премьер-министром Е. Гайдаром и министром иностранных дел А. Козыревым во внешней и внутренней политике России в начале 1990-х гг. вызвал к жизни ограничения российской внешнеполитической активности на Востоке и трансформацию отношения России к своему восточному фронтиру на фоне сближения с США. Е. Гайдар назвал Россию «Восточным фортом Запада [6, с. 3]». Эти идеи нового для того времени политического режима в России соответствовали общей стратегической линии интеграции РФ с Западом, что подразумевало дистанцирование Кремля от Китая, перспективы которого, как коммунистического режима, оценивались российскими либералами тогда как достаточно неясные [1, с. 269–270]. Это означало, что Кремль кардинально менял вектор своей политики по отношению к Востоку, особенно к коммунистическому Китаю, внутренняя политика которого подверглась критике в стиле Запада со стороны официальной Москвы [1, с. 269–270]. Такая стратегическая линия России вызвала обеспокоенность официального Пекина, как и возникновение в связи с распадом СССР однополярного мира, в котором из-за позиции России образовался резкий дисбаланс в пользу Запада [18; 36; 37].

Невозможность проводить строго политику «атлантизма» возникла уже в 1992 г., когда Япония усилила диспут о Северных территориях (четыре южнокурильских острова). В то же время отказ Китая от территориальных претензий к России вызвал в Кремле интерес к Пекину, КНР стала рассматриваться МИДом России как противовес Японии на Дальнем Востоке. Основная стадия демаркации границы по рекам Амур и Аргун была завершена в 1999 г. С другой стороны, Китай, оказавшись после крушения коммунистического порядка в Восточной Европе практически во внешнеполитической изоляции, нуждался в России для разрыва этого кольца изоляции [10, с. 46–47].

1999 год стал символичным в российско-китайском диалоге, когда 10 декабря того года прошел неформальный саммит в Пекине с участием Президента

РФ Б. Н. Ельцина и Президента КНР Цзян Цзэмина. Один из центральных вопросов, который был освещен в совместном по поводу саммита коммюнике, – это проблема сепаратизма в обоих государствах. Для России актуален был тогда конфликт в Чечне, для Китая – в Тайване (данный аспект во внешней политике КНР остается одним из центральных до сих пор). В этой связи оба государства обязались в 1999 г. поддерживать друг друга, Китай Россию по вопросу Чечни, Россия КНР – по Тайваню [31]. «Атлантисты» здесь снова проиграли, Россия заняла в вопросе Тайваня однозначно антизападную позицию, но сделано это было во многом из-за отношения Запада к чеченскому вопросу.

Во многом из-за разногласий с Западом по чеченскому вопросу Россия с 1996 г. стала поддерживать глобальную стратегию КНР, что выразилось в подписании серии знаковых документов, пакет которых был сформирован уже к 2000 г. Их суть заключалась в поддержке Россией позиции Китая по построению многополярного мира [22].

Судя по заключенному 10 декабря 1999 г. совместному соглашению между Россией и КНР, китайскую сторону интересовали на то время больше вопросы безопасности и недопущения возобновления гонки вооружений, экономические проблемы. Вступление обеих стран в ВТО, например, занимают в этом документе заметно более скромное место [32].

«Атлантисты», которые поддерживали идею кооперации с Западом, потерпели новое поражение в 1998–2000 гг.: Россия стала активно следовать курсом сотрудничества с Китаем, что было вызвано как кризисом в экономике (обесценивший рубль дефолт на фоне значительного наращивания внешнего долга России), так и резкими разногласиями по бывшей Югославии. Кульминацией кризиса «Атлантизма» в России стало Косово. Недовольство у многих россиян вызывала также росшая зависимость России от иностранных организаций, особенно от МВФ. В ситуации с Косовским кризисом Китай поддержал Россию на внешнеполитической арене.

Уже в 1997 г. (до Косовского кризиса, заметим) Россия и Китай объявили в ООН совместную декларацию о мультиполярном мире и установлении нового

мирового порядка. Появление такого документа продемонстрировало ослабление позиций «Атлантистов» не только в МИДе, но и в российской политике в целом. Однако первые противоречия по поводу бывшей Югославии появились в отношениях России и НАТО уже в 1994 г., когда Россия официально выступила против бомбардировок непризнанной республики сербов в Боснии.

Война в Таджикистане, которая началась осенью 1992 г., спровоцировала давление военных на российскую внешнюю политику, что вызвало к жизни так называемый консервативно-реалистичный тренд по отношению к Востоку. В этой связи Китай стал рассматриваться в качестве союзника против исламского радикализма, поэтому возникла «Шанхайская пятерка» (Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан). Это объединение было создано при активной инициативе России.

Отдельный вопрос – продажи российских вооружений и военных технологий в Китай в 1990-е гг., они не превышали 20% от стоимости всей торговли между двумя странами. Китай остро нуждался в российском оружейном импорте, так как на Западе КНР было запрещено приобретать многие виды вооружений и военных технологий. В 1992 г. Китай имел вооружения в основном на втором послевоенном уровне, но благодаря России ВС КНР удалось выйти на 4-й уровень в конце 1990-х гг., что обошлось Китаю в 6 миллиардов долларов.

Концепция Президента России В.В. Путина о переходе мира к мультиполярности способствовала новому витку развития российско-китайских отношений. Но было и другое, вполне объективное обстоятельство – запущенный США и НАТО процесс создания системы ПРО в Восточной Европе, что уже началось в 2000 г. Основой новых отношений России и Китая стала Конвенция о добрососедстве и сотрудничестве, ориентированная на 20 лет, она была подписана летом 2001 г., получив на Западе наименование «Московского пакта» 2001 года. Пакт, по мнению некоторых экспертов, стал следствием кризиса системы международной безопасности под эгидой ООН в период Косовского конфликта, когда США действовали вопреки мнению России и Китая, что не встретило противодействия со стороны ООН.

«Московского пакту» предшествовал визит Президента России В. В. Путина в Китай в июле 2000 г., тогда В.В. Путин заявил, что Россия должна «опираться как бы на два крыла – европейское и азиатское» [13]. В ходе того визита была проведена большая подготовительная работа, которая в целом продолжала взятый российским правительством курс на сближение с Китаем и поддержки концепции многополярного мира, выдвинутой официальным Пекином [14, с. 144].

По мнению бывшего китайского посла в Москве Лю Гучана [11, с. 5], заключенный между Россией и КНР летом 2001 г. договор был призван упорядочить отношения между двумя странами за счет, в том числе, решений по демаркации границы. На втором месте после пограничной проблемы Лю Гучан поместил низкий товарооборот между двумя странами на то время – всего лишь 5–7 миллиардов долларов в год, на третьем месте у Лю Гучана – недоверие россиян к КНР [11, с. 5]. Так называемая китайская угроза в целом есть проблема, актуальная до сих пор.

В связи с событиями 11 сентября 2001 г. вектор российской политики обратился снова к «Атлантизму», когда особенно Россия одобрила ввод войск НАТО в Афганистан. Военная активность США и их союзников в Афганистане была воспринята без серьезных возражений Москвой и Пекином, правда, не без негативных оценок и замечаний по отдельным вопросам. Россия и Китай спокойно отреагировали на вторжение США в Ирак, Россия также не предприняла «жестких» мер в связи с расширением НАТО на Восток, однако последнее было негативно воспринято КНР, которая выразила официально возражения, Пекин опасался в дальнейшем включения России в систему ПРО НАТО, поэтому в 2003 г. КНР подписала соглашение о нейтрализации ядерного потенциала на Корейском полуострове.

В 2003 г. Китай попытался преобразовать Шанхайскую организацию по сотрудничеству в структуру, обеспечивающую более тесную экономическую кооперацию, но Пекин потерпел неудачу из-за позиции России [5, с. 44], которая была больше заинтересована в проекте Таможенного союза, что подразумевало

ограничения для Китая доступа на среднеазиатские рынки. Тогда интересы реинтеграции на постсоветском пространстве преобладали во внешней политике России, но в рамках Шанхайской организации по сотрудничеству Китаю удалось инициировать создание BRICS в 2005 г. Вопреки позиции России, Китай инициировал также создание пула валютных резервов [8, с. 2]. Кроме того, Пекин организовал резервный банк для этого пула. Но проект создания альтернативы МВФ в виде такого пула не был реализован по причине того, что Китай вскоре обратился к инструменту двусторонних валютных соглашений, ярким примером чему служат расчеты КНР с Ираном.

В 2005 г. произошло одно знаковое событие в российско-китайских отношениях – совместные военные учения «Мирная миссия 2005». В 2008 г. на Бухарестском саммите НАТО было принято решение о признании за Украиной и Грузией статуса кандидатов на вступление в данную организацию, это спровоцировало новый этап в развитии российско-китайских отношений, уже более скорректированный в сторону военно-политического сотрудничества, так как Пекин рассматривает расширение НАТО на Восток как часть стратегии Запада по окружению КНР. В этой связи Китай и Россия действовали в 2009 г. совместно в НАТО по вопросу о санкциях против Зимбабве, которые Запад подготовил против режима Мугабе. Москва и Пекин тогда наложили вето на санкции, что дало в итоге КНР доступ к урановым месторождениям Зимбабве [33, р. 3].

В 2011 г. в связи с волной революций в мире (феномен «цветных революций») Россия и Китай объединили силы для противодействия радикализму в Исламском мире. В это время Пекин был обеспокоен ситуацией в Уйгурском автономном округе. Поэтому Россия и Китай осудили действия НАТО в Ливии. В 2018 г. Китай поддержал Россию во время кризиса вокруг инцидента в городе Дума (Сирия) [7, с. 12].

В 2018–2019 гг. взял начало новый этап в сближении России с Китаем в связи с политикой нового протекционизма Дональда Трампа (концепция «Америка в первую очередь»). Эта политика, как выразился Президент России В.В. Путин, способна остановить мировой экономический рост [7, с. 10]. В

этой связи поменялись роли государств в мировой политике: теперь Китай и Россия придерживаются умеренной глобализации, когда США стали, наоборот, антиглобалистской страной. Официально КНР выступает с концепцией «общей судьбы человечества» (community of common destiny for mankind), главным инструментом для реализации этой концепции Китай видит ООН.

По мнению П. Строского и П. Нэга, сближение России с Китаем произошло на почве Украинского кризиса [34, р. 3]. Это мнение неоригинально, так как на Западе многие исследователи считают развитие российско-китайских отношений как процесс создания антиамериканского альянса, главным сторонником этой концепции является американский профессор Роберт Суттер, который рассматривает политику КНР в качестве потенциальной угрозы для США [23, р. 16–18]. Китай и Россия, согласно таким взглядам западных политологов, не несут угрозы для непосредственно территории США, возможным поводом для конфликта между США и Китаем может стать Тайвань (непризнанное китайское антикоммунистическое государство). В этой связи, как считает Р. Суттер, Пекин идет на сближение с Россией. Правда, вероятность такого конфликта (имеется в виду вооруженного) крайне мала, по мнению Р. Суттера.

В связи с украинским кризисом возникла концепция сближения России с Китаем именно на почве желания обеих стран создать альянс против США и НАТО [19; 27; 28; 30]. Этим фобиям можно возразить тем, что Китай занимает достаточно сдержанную позицию по поводу конфликтов вокруг Крыма и Донбасса. Из-за вопросов по Тайваню и Тибету КНР поддерживает концепцию территориальной целостности Украины [25, р. 3–4].

Как сказал Александр Габуев, попытки России координировать китайскую политику в Средней Азии потерпели неудачу, он при этом выделяет западные санкции 2014 г. против России как поворотную точку в российско-китайских отношениях, с которой начались принятия экономических решений, в частности по поводу строительства инфраструктуры нефтегазового комплекса в Сибири, к чему ранее китайские компании не допускались [25, р. 3–4]. Однако, по А. Габуеву, потепление отношений между Россией и КНР не снимает противоречий

между двумя странами, эти противоречия порождены перенаселенностью Китая и дефицитом пригодных для обработки земель в КНР, что толкает ее население на иммиграцию, одним из направлений которой выступают российские Дальний Восток и Восточная Сибирь [25, р. 3–8]. Опасения А. Габуева верны, если принять во внимание указания высшего руководства КНР своему бизнесу (сделаны в 2014 г.) – заключать с российской стороной только такие контракты, который будут однозначно ассиметричны в пользу китайцев [25, р. 11].

Наиболее серьезно Россия и Китай могут в дальнейшем сближаться на базе отношения обеих стран к западным нормам демократии [34, р. 9], Китай не считает их приемлемыми для себя, когда Россия рассматривает их как частично нужными себе. Правда, часть элиты КНР понимает, что демократизация китайского общества есть неизбежный процесс, поэтому либерализация Китая может привести к дистанцированию его от Москвы, хотя такая вероятность на фоне обострения отношений Китая с Западом сегодня крайне мала.

Несмотря на антиглобалистское кредо российской политики, Россия все-таки консолидируется с Китаем по поводу роли ООН на фоне кризиса этой организации, который развернулся в 2017 г. в связи с выходом США из Юнеско и Совета по правам человека [7, с. 10].

Уже достаточно давно в республиках Средней Азии и Китае возникла концепция восстановления Великого шелкового пути. В этой связи КНР финансирует проекты в сфере развития транспортной инфраструктуры в Кыргызстане и Таджикистане [8, с. 5]. В этой связи политика Китая вошла в противоречия с провозглашенной в 2013 г. Президентом России В. В. Путиным линией на реинтеграцию на постсоветском пространстве [8, с. 5].

Украинский кризис изменил отношение элит в Средней Азии и Казахстане, изменив их отношение к России больше в негативную сторону и повысив популярность Китая как альтернативного источника инвестиций и промышленных товаров [34, р. 10]. В то же время Китай выступает сдерживающим для вмешательства Запада в политические и экономические процессы фактором в Средней

Азии [34, р. 10]. Однако здесь есть и опасность для России, так как КНР рассматривает Казахстан как альтернативный РФ транспортный коридор в Европу [34, р. 12]. В этой связи позиции России в Казахстане могут заметно ослабнуть.

В 2017 г. лидеры России и Китая заключили соглашение о координации действий в Центральной Азии. Но проекты в сфере евразийской интеграции пока что оставляют мало места для маневра китайской дипломатии в регионе. На стороне КНР экономическое превосходство над Россией. Этим превосходством на данное время Пекин не может в полной мере воспользоваться из-за евразийской интеграции, инициированной Кремлем, эта интеграция подразумевает ограничение доступа третьих стран на рынки ряда постсоветских стран [34, р. 13]. Но эти ограничения, вызванные евразийской интеграцией, с каждым годом работают больше против Запада, чем против Китая. Здесь уместно упомянуть инициативу России по поводу строительства туркменского трубопровода для экспорта газа в Китай, что только усиливает позицию Китая в Средней Азии. К сегодняшнему дню Туркменистан очень сильно зависим от экспорта своего газа в КНР [34, р. 13]. Вслед за экспортом продукции в Китай в Среднюю Азию в ответ приходит и китайский импорт, с которым российским товарам сложно конкурировать из-за более низких китайских цен. Однако проблема российского экспорта не только в ценах, но и в физическом наличии необходимых товаров. Помимо этого, Россия сдает свои позиции в Средней Азии как инвестор, что показал случай с провалом проекта по строительству пяти гидроэлектростанций в Кыргызстане [34, р. 14].

Ослабление позиций России в Средней Азии идет и в военной сфере, где официальный Пекин недавно стал перехватывать у Москвы инициативу. В 2016 г. Китай создал в Средней Азии антитеррористическую ассоциацию [34, р. 15]. В 2017 г. Китай предложил Афганистану построить базу армии КНР в провинции Бадахшан, официальный Кабул неохотно согласился с этим проектом [34, р. 17].

Остается открытым вопрос, является ли экспансия Китая в Средней Азии в основном экономической? Китайская концепция политики GO-OUT включает в

себя не только создание филиалов китайских фирм за рубежом, но и экспорт рабочих рук [34, р. 16]. В этой связи особо актуализирован последнее время вопрос демографической экспансии китайцев в Среднюю Азию [12; 15].

Экономические принципы российско-китайских отношений.

Развитие российско-китайских отношений обусловлено в первую очередь экономикой. В 2008 г. товарооборот между двумя странами достиг 68 миллиардов долларов США, оставаясь примерно на этом уровне до 2011 г., после чего стал расти. Поворотным пунктом в развитии российско-китайских экономических отношений стало подписание соглашения о строительстве нефтяного трубопровода Сковородино-Дацин [5, с. 46]. Но при этом Китай продолжал неохотно инвестировать в Россию [8, с. 2].

В 2000–2011 гг. произошел еще важный процесс – доля китайского импорта в российско-китайском товарообороте выросла до 69%. Доля КНР в российской внешней торговле составила 10,2%, когда эта же доля России в китайской внешней торговле была 2% [5, с. 47], это стало следствием снижения товаров машиностроения в российском экспорте в Китай, его доля в общем объеме экспорта РФ в КНР составила только 2% в конце нулевых годов, все остальное пришлось на сырьевые товары [5, с. 47]. С 2009 г. в Китае стал ослабевать интерес к российским оборонным товарам [2, с. 138–158].

На изменение структуры российского экспорта в Китай во многом повлиял мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., который заставил «Газпром» переориентировать частично свою работу на китайский рынок с рынков Запада, где упал спрос на российские нефть и газ, при этом официальный Пекин обязался финансово помогать покупателям российских энергоносителей [Simola, 2016, р. 4]. Негативный характер российской структуры экспорта в Китай был вызван также таким фактором, как зависимость России до санкций 2014 г. от импорта, спрос на товары и услуги с высокой добавленной стоимостью в 2011 г. покрывался в России на 22% за счет импорта, в Китае этот показатель составлял 15% [Simola, 2016, р. 4]. Поэтому китайскую экономику следует рассматривать в то время как больше производящую, когда российскую – больше потребляющую, в

этой связи доля китайских товаров в общем объеме потребленных Россией товаров составила в 2011 г. 2,5% (эквивалентно Чили и Саудовской Аравии) против 0,6% в 1996 г. [Simola, 2016, p. 6]. К 2015 г. товарооборот России с КНР из-за падения стоимости рубля упал на 30%, но затем произошел новый рост в торговле между двумя странами, в силу межправительственных соглашений [Simola, 2016, p. 10]. В 2015 г. российские продажи нефти в Китай составили 16% от всего российского экспорта нефти, достигнув 40 миллионов тонн, для Китая это составило 13% его нефтяного импорта [Simola, 2016, p. 11].

Что касается российского экономического интереса к китайскому рынку, то в этой связи есть интересное замечание Кристофера Фальковского, что снижение спроса на высокотехнологичные товары из России на рынке ЕС-28 ведет к переориентации их производителей на рынок КНР [24, p. 6], несмотря на то что китайский рынок из-за сильной конкуренции китайских товаров с российскими по цене не столь емкий для российских фирм. Из-за более низких издержек китайские фирмы стали побеждать российские на своем для последних рынке начиная примерно с 2015 г. в сферах телекоммуникаций и транспорта [25, p. 15]. В этой связи В. Иноземцев высказал предположение, что китайский бизнес может занять большое место на российском рынке высоко технологичных товаров, когда Россия вполне способна стать поставщиком дешевого сырья в Китай [29, p. 4].

В связи с западными санкциями и проектами «Газпрома» Россия открыла свой фондовый рынок для китайских инвесторов. К 2018 г. специальный китайский фонд «Шелкового пути» приобрел 9,9% газовой фирмы «Ямал СПГ», а также 10% нефтехимического холдинга «Сибур», китайцы уже до 2016 г. проявили большой интерес к компании «Роснефть» [20, p. 18].

В 2019 г. товарооборот российско-китайской торговли возрос на 3,4%, достигнув 110,16 млрд долларов США. Объем российского экспорта в КНР составил в 2019 г. 61,05 млрд долларов, импорт – 49,7 млрд долларов. Это хорошие показатели, однако товарооборот с ЕС-27 у России оставался больше, чем с Китаем, – 219 млрд долларов в 2020 г., что, правда, меньше на 21%, чем в 2019 г.

64,9% прироста российского экспорта в КНР дали драгоценные камни и металлы, что указывает на узкоотраслевую природу расширения российских продаж в Китай. С другой стороны, очевидно, что рост российского экспорта в КНР во многом детерминирован развитием китайской радиоэлектроники, но не спросом на китайском энергетическом рынке. Однако топливные товары составили в российском экспорте в КНР 69,8% [16, с. 58].

Российский энергетический экспорт в Китай носил в 2010-е гг. для последнего вспомогательный характер, то есть на энергетическую безопасность КНР он влиял незначительно. В конце 2010-х гг. обозначилась важная тенденция в топливном экспорте в Китай: нефть и нефтепродукты с российского Дальнего Востока, поставленные в КНР в 2018 г., составили 2,7 млн т из 460 млн т китайского импорта по данной категории товаров [9, с. 15]. В 2019 г. в Дальневосточном Федеральном округе было добыто 34,1 млн т [17, с. 12]. То есть доля продаж дальневосточной нефти в Китай оказалась не столь значительной по отношению к региональной добыче.

Тем не менее есть важные позитивные тенденции в развитии экономических взаимоотношений России и Китая. В связи с увеличением спроса на энергию в КНР последняя обращается последнее время к России за помощью в создании новых мощностей в атомной энергетике, в этой сфере Россия по-прежнему остается в разряде мировых технологических лидеров. Но здесь имеет место продолжение сотрудничества между странами, стартовавшее еще в начале 1990-х гг. Помощь России Китаю в области атомной энергетики оформлено рядом договоров. Задачей России являлось и остается участие в строительстве новых энергоблоков АЭС [Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 26.10.2018, Бюллетень международных договоров апрель, 2019, с. 51–54 (дата обращения: 29.10.2021); Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 26.10.2018, Бюллетень международных договоров апрель, 2019, с. 48–51 (дата обращения: 29.10.2021)].

Заключение.

Российско-китайские отношения еще не приобрели той формы, когда мы могли бы сказать, что они окончательно сложились в некую модель долгосрочного развития и эта модель будет незначительно изменяться в течение десятилетия и более. Антироссийские санкции делают Москву более заинтересованной в Китае, чего нельзя сказать о позиции официального Пекина, который может пока что проводить более независимую от внешнего мира политику. Однако принятая в 2013 г. программа внутреннего развития требует от КНР расширения источников поставок энергоносителей, а также их объемов, что укрепляет связи Китая с Россией.

Усиление трений между Китаем и США выступает дополнительным стимулом для развития российско-китайских отношений. Однако не будем забывать, что Россия имеет экономику, в 10 раз уступающую по своей емкости китайской. Российским фирмам сложно конкурировать с китайскими по цене. В этой связи экономическая сторона российско-китайских отношений в обозримом будущем обречена на асимметрию в пользу КНР.

Евразийская интеграция противоречит концепции сближения России с Китаем. Примирение этих двух направлений в российской политике уже, правда, происходит, но на основе компромисса Китаю в аспекте предоставления КНР большей свободы политических и экономических маневров в Средней Азии и Казахстане, интерес к которым у Пекина связан не только с туркменским газом и транзитом в Европу, но и с перспективами распространения политики GO OUT в данном направлении.

Список литературы

1. Бажанов Е.П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века / Е.П. Бажанов. – М.: Известия, 2007. – 350 с. – EDN QPGHAP
2. Барабанов М.С. Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР / М.С. Барабанов, В.Б. Кашин, К.В. Макиенко. – М.: Центр анализа стратегий и технологий; Рос. ин-т стратег. исследований, 2013. – 272 с. – EDN ZUORQH

3. Бюллетень международных договоров. – 2019. – №4 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.06.2024).

4. Воскресенский А.Д. Что такое для нас Китай? / А.Д. Воскресенский // Сравнительная политика. – 2020. – №2. – С. 5–18. – DOI 10.24411/2221-3279-2020-10014. – EDN FPCKGP

5. Воскресенский А.Д. Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии (1990–2015) / А.Д. Воскресенский // Сравнительная политика. – 2015. – Т. 6. №1. – С. 32–53. – EDN TQUKXV

6. Гайдар Е.Т. Россия XXI века: не мировой жандарм, а форпост демократии в Евразии / Е.Т. Гайдар // Известия. – 18.05.1995. – С. 2–7.

7. Российско-китайский диалог: модель 2019: доклад №46/2019 / гл. ред. И.С. Иванов. – М.: НП Российский совет по международным делам (РСМД), 2019. – 200 с.

8. Канаев Е.А. Российско-китайские отношения: состояние, вызовы и перспективы / Е.А. Канаев, А.С. Пятчкова // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2015. – Т. 2. №2 (22). – С. 6–11. – EDN TWQJDP

9. Ларин В.Л. «Китайская экспансия» в восточных районах России в начале XXI в. через призму компаративистского анализа / В.Л. Ларин // Сравнительная политика. – 2020. – №2. – С. 9–27. – DOI 10.24411/2221-3279-2020-10015. – EDN FBPLHR

10. Ли Цзинцзе. Китайско-российские отношения и американский фактор / Ц. Ли // Азия и Африка сегодня. – 2002. – №3. – С. 46–52.

11. Лю Гучан. «Договор века» и создание новой реальности китайско-российских отношений / Г. Лю // Россия – Китай. XXI век. Май–июль 2006. – С. 3–12.

12. Нурдинова К.Х. К вопросу о китайской миграции в Кыргызстане: проблемы безопасности / К.Х. Нурдинова // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2018. – №2 (19). – С. 19–22. – EDN USNPWM

13. Путин В.В. Интервью китайской газете «Жэньминь жибао», китайскому информационному агентству Синьхуа и телекомпании РТР 16 июля 2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/07/125060.shtml> (дата обращения: 07.06.2024).
14. Рогачев И.А. Российско-китайские отношения в конце XX – начале XXI века / И.А. Рогачев. – М.: Известия, 2005. – 278 с. – EDN QPADEL
15. Садовская Е.Ю. Китайская миграция в странах Центральной Азии: Казахстан, Кыргызстан и далее везде? / Е.Ю. Садовская // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2009. Т. 14. №14. – С. 134–163. EDN SFFPUV
16. Российско-китайский диалог: модель 2020: доклад №58/2020 / гл. ред. И.Н. Тимофеев. – М.: НП Российский совет по международным делам (РСМД), 2020. – 254 с.
17. Филимонова И. Механизм обеспечения энергобезопасности. Современное состояние и перспективы развития НГК Дальнего Востока / И. Филимонова, В. Немов, А. Комарова // Нефтегазовая вертикаль. – 2020. – №13–14. – С. 9–20.
18. Цянь Цичэнь. Десять дипломатических событий / Ц. Цянь. – М.: Об-во дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами, 2005. – 351 с.
19. Brown James. Ukraine and the Russia-China Axis [Electronic resource]. – Access mode: <http://thediplomat.com/2015/04/ukraine-and-the-russia-chinaaxis/> (дата обращения: 07.06.2024).
20. Carlson B.G. Room for Maneuver: China and Russia Strengthen Their Relations // Strategic Trends, 2018, pp. 29–44.
21. Crispin Rovere. China, Russia and India: A Budding Alliance against America? [Electronic resource]. – Access mode: http://www.realcleardefense.com/articles/2015/03/16/china_russia_and_india_a_coming_alliance_against_america_107759.html (дата обращения: 07.06.2024).
22. Degterev D.A., Timashev G.V. Concept of Multipolarity in Western, Russian and Chinese Academic Discourse // Международные отношения. – 2019. – №4. Рр. 48–59. – DOI 10.7256/2454-0641.2019.4.31751. – EDN DJJDNV

23. Ellings R.J., Sutter R. Axis of Authoritarians: Implications of China-Russia Cooperation. USA, DC Columbia: The National Bureau of Asian Research, 2018. 203 p.

24. Falkowski K. Russia-EU28 and Russia-China trade interdependence vs the competitiveness of the Russian economy // Institute of Economic Research. Working Papers, 2017, no. 25, pp. 3–16.

25. Gabuev A. Friends with Benefits? Russian-Chinese Relations After the Ukraine Crisis. Carnegie: Endowment for International Peace Publ., 2016. 300 p.

26. Harinder S. Kohli (ed.) [et al.] China's Belt and Road Initiative. Potential Transformation of Central Asia and the South Caucasus. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC, Melbourne: Sage Publications Pvt. Ltd, 2020. 300 p.

27. Homeyer Henrik. Don't leave Serbia to Russia and China [Electronic resource]. – Access mode: <https://euobserver.com/opinion/128157>

28. Crispin Rovere. China, Russia and India: A Budding Alliance against America? [Electronic resource]. – Access mode: http://www.realcleardefense.com/articles/2015/03/16/china_russia_and_india_a_coming_alliance_against_america_107759.html (дата обращения: 07.06.2024).

29. Inozemtsev V. China's impact on Russian economy // UI Brief, 2018, no 8, pp. 2–11.

30. Porter Tom. Russia and China strengthen ties, as Putin looks east in wake of Western sanctions [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.ibtimes.co.uk/russia-china-strengthen-ties-putinlooks-east-wake-western-sanctions-1490985> (дата обращения: 07.06.2024).

31. President Jiang Zemin and President Yeltsin Issue Joint Press Communiqué at the Conclusion of Their Second Informal Summit (December 10, 1999) (документ в электронном виде на сайте Министерства иностранных дел КНР) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/dozys_664276/gjlb_664280/3220_664352/3221_664354/t16726.shtml (дата обращения: 07.06.2024).

32. Sino-Russian Joint Statement (Dec 10, 1999) (документ в электронном виде на сайте Министерства иностранных дел КНР) [Electronic resource]. – Access mode:

https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/dozys_664276/gjlb_664280/3220_664352/3221_664354/t16727.shtml (дата обращения: 07.06.2024).

33. Stapleton R.J. Can the United States Influence Cooperation between China and Russia? // NBR Special Report Russia-China Relations: Assessing Common Ground and Strategic Fault Lines, 2017, pp. 1–6.

34. Stronski P., Ng N. Cooperation and competition Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2018. 58 p.

35. Weits R. The Russia-China gas deal // World Affairs. September 1. 2014, Vol. 177, no. 3, pp. 80–86.

36. 刘德喜、孙岩 (Лю Дэси, Сунь Янь) : 苏联解体后的中俄关系 (Китайско-российские отношения после распада СССР).

37. 哈尔滨·黑龙江教育出版社·1996, 第64–65页; 《国际形势和经济问题》(Проблемы мировой ситуации и экономики), 《邓小平文选》(Собрание сочинений Дэн Сяопина) 第3卷, 北京, 人民出版社, 1993第53页